УДК 902.2; 7.032:72.03

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-5-209-225

МОНУМЕНТАЛЬНОЕ СООРУЖЕНИЕ ЦИТАДЕЛИ ВЕРХНЕГОСТАГАЕВСКОГО ГОРОДИЩА: ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Клемешов А. С.¹, Малышев А. А.²

¹ Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

² Институт археологии РАН

117292, г. Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19, Российская Федерация

Аннотация. Целью статьи является публикация результатов комплексных археологических исследований памятника эпохи Великого переселения народов – Верхнегостагаевского городища (Краснодарский край). Основное содержание работы составляет характеристика монументального сооружения в верхней укрепленной части городища. Авторами статьи даётся описание строительных остатков данного здания и предприняты попытки определить вероятное назначение и особенности использования сооружения. По итогам исследования сделаны предположения об элитарном характере постройки, сочетании античных строительных традиций и варварского влияния в функциональном предназначении здания.

Ключевые слова: полуостров Абрау, Великое переселение народов, поздняя античность, домостроительство, фортификация

MONUMENTAL STRUCTURE OF THE CITADEL OF VERKHNEGOSTAGAEVSKOYE SETTLEMENT: INTERPRETATION DIFFICULTIES

A. Klemeshov¹, A. Malyshev²

¹ Moscow Region State University

24 ul. Very Voloshinoy, Mytishchi 141014, Moscow region, Russian Federation

² Institute of Archaeology of Russian Academy of Science

19 ul. Dm. Ulyanova, Moscow 117292, Russian Federation

Abstract. In this paper, we present the results of comprehensive archaeological investigations of a monument belonging to the Migration period – the Verkhnegostagaevskoye settlement (Krasnodar Krai). The study was mainly devoted to characterizing the monumental structure in the upper fortified part of the settlement. We describe the construction remains of the building in order to determine its probable functions and specific features. On the basis of the findings, it is assumed that the construction was characterized by an elitist nature. The functional purpose of the construction reflects ancient constructing traditions and barbaric influence.

Keywords: Abrau Peninsula, Migration period, Late Antiquity, housebuilding, fortification

Верхнегостагаевское городище располагается в труднодоступном, удалённом от Черноморского побережья месте: на северном склоне водораздельного хребта между реками Котлама и Гостагайка, принадлежащими бассейну Чёрного моря. Местоположение на одной из вершин хребта предполагает выпадение относительно большого количества осадков и более значительную ветровую нагрузку, чем на прилегающих территориях и тем более в долинах.

Сооружения крепости занимают практически всю площадь (2,7 га) мыса неправильной, близкой к четырехугольной, формы. С юго-востока, запада и северо-запада мыс ограничен глубокими оврагами, связанными с бассейном реки Гостагайка. С северной стороны к основанию мыса примыкает удлинённый, значительный по ширине (ок. 0,8 км) перешеек.

Рельеф мысовой части очень сложен: абсолютные отметки её территории находятся в интервале 294х280 м, в восточном и северо-восточном направлениях склоны имеют крутизну до 40°, в западном и северо-западном – 25–30°. Вместе с тем прочность пород, а также наклонное залегание обеспечивают устойчивость северо-восточного и восточного склонов мыса, что даже при большой крутизне благоприятствует возведению здесь монументальных сооружений.

Крепость имела два пояса оборонительных сооружений: общую каменную стену по периметру всего городища и расположенную на краю мыса, в юго-восточной части, цитадель, отгороженную от основной части крепости высокой валообразной насыпью, которая хорошо фиксируется и на то-

Рис. 1. Верхнегостагаевское городище: 1 – 3d-реконструкция комплекса (вып. В. В. Моором); 2 – топоплан (вып. Д. О. Дрыгой и А. В. Мочаловым)

пографических планах, и на аэрофото-материалах (рис. 1).

Цитадель (площадью около 0,5 га) имеет подпрямоугольную форму и вытянута по оси СВ-ЮЗ. На этой площади была проведена магнитная съемка, выявившая на валообразной насыпи прямолинейную отрицательную аномалию шириной 2,5 м. Природа этой аномалии: претерпевшая высокотемпературное воздействие при пожаре глина, что привело к её обжигу, ошлакованию и намагничиванию. По-видимому, отгораживающая «акрополь» внутренняя стена была сооружена из камня и сильно обгоревших глиняно-плетнёвых или сырцовых конструкций. В северо-западной части сооружение имеет разрыв шириной 1,5 м. Изолинии топосъемки фиксируют в этом месте проездное сооружение, которое коррелирует с

проездным сооружением внешнего оборонительного пояса и читаемой в рельефе трассой подъема на цитадель (рис. 2).

За проездным сооружением на цитадели также читается пандус подъема на верхнюю площадку, естественное плато на вершине мыса овальной формы размером 26х47 м (уровень около 294 м), ориентированное, как и вся цитадель, по оси СВ-ЮЗ.

По данным магниторазведки на плато зафиксировано прямоугольное сооружение, ориентированное по оси плато. Судя по отрицательным магнитным аномалиям, основания стен сооружения были каменными. Названы примерные размеры сооружения – 10х30 м.

Сильные положительные аномалии дополнительно отмечены вдоль восточной и западной стен сооружения. Вероятно, при возведении этих стен были использованы намагнитивши-

еся в сильном пожаре сырцовые кирпичи. К востоку от прямоугольного сооружения наблюдалась обширная знакопеременная аномалия мозаичной структуры, что отражало развал обгоревших глинобитных стен и, возможно, черепичной крыши.

На поверхности плато контуры здания читались слабо: в ландшафте они отмечены небольшим, в пределах 0,3–0,4 м, возвышением. В период 2014–2017 гг. монументальное сооружение было полностью исследовано раскопками [9], показавшими, что здание возведено на материковом светло-сером суглинке – продукте разрушения флишевых пород (рис. 2).

Материалы, полученные благодаря археологическим изысканиям, позволяют определить период бытования здания в системах относительной и абсолютной датировки. Более многочисленные керамические находки – фрагменты краснолаковой столовой посуды

Рис. 2. Цитадель Верхнегостагаевского городища: 1 – результаты магниторазведки (вып. Т. Н. Смекаловой и А. В. Чудиным); 2 – ортофотоплан выявленных сооружений на цитадели

и амфор – типичны для культурных слоев причерноморских памятников конца IV–V вв. Краснолаковая керамика, представленная как импортными формами LRC (*Late Roman ceramic*) 3C (рис. 3/4–6) [24, fig. 39, 1269, 1270, 1272, 1273], LRC 3B (рис. 3/7) [24, fig. 38, 1262], PRSW (*Pontic red slip ware*) 1 (рис. 3/12) [15, с. 135–138, рис. 1/6], так и местными подражаниями – PRSW 7 (имитация Hayes LRC 2) (рис. 3/9–11) [14, с. 213, рис. VII.3-1], датируется периодом от конца IV до третьей четверти V в.

Не противоречат указанным хронологическим рамкам предметы немногочисленной амфорной коллекции, в которой удалось выделить типичные для Северного Причерноморья позднеантичного времени хронологические индикаторы: профильные части узкогорлых светлоглиняных амфор

типа Е и F, (рис. 3/1,3) [15, с. 125–133], а также ручки и стенки форм LRA (*Late Roman amphora*) 1A (рис. 7, 8, 13, 14) [27, р. 803–804], LRA 2 (рис. 3/15) [27, р. 804], LRA 3 (рис. 3/16) [27, р. 804–806, fig. 4, 8, 9, 20, 32, 33].

Не менее типичны для позднеантичных контекстов Северного Причерноморья конца IV – второй половины V вв. фрагменты двух обнаруженных на территории цитадели сосудов из прозрачного стекла оливкового оттенка с каплями синего стекла на тулове: один украшен поясом орнамента из фестонов и капель синего стекла, полосами, другой – каплями и шлифованными полосами (рис. 3/2). Контуры сосудов позволяют реконструировать коническое тулово, у одного сохранилась часть узкого уплощенного основания [25, form 109; 18, с. 90, тип II; 15, с. 140–142].

Рис. 3. Материалы по хронологии Верхнегостагаевского городища

Материалы абсолютного датирования, а также результаты анализа по С-14 двух образцов угля из заполнения монументального сооружения дают даты, соответствующие заключительным этапам бытования этого комплекса в позднеантичное – ранневизантийское время – от второй половины V до VI вв.: 472 (430 ± 60) и 598 (590 ± 60) гг.¹

Экстерьер здания

Юго-восточная (№ 1) продольная стена шириной около 1,1–1,2 м. Кладка трёхслойная (внешний, внутренний фасы и забутовка из мелкого камня с

глинистым раствором). Прослежена на длину около 23 м (рис. 4).

Кладка рядная (сохранилась до четырех рядов, в средней части сохранилась на высоту до 0,5–0,6 м), в основном постелистая, иногда блоки уложены тычком. Сложена из каменных блоков ракушечника и плиток песчаника или известняка небольшого размера. Восточный и западный участки разобраны. Восточный угол сооружения и прилегающий внешний фас здания в значительной мере разрушены склоновой деформацией. Южный угол пострадал в меньшей степени.

Фундаментный ряд, немного выступающий наружу, сложен из камней разной, вплоть до округлой в плане, формы.

¹ Анализы проведены в Лаборатории радиоуглеродного датирования Института географии РАН Э. П. Зазовской.

Рис. 4. План строительных остатков здания

В кладке стены зафиксировано три проёма, нумерация которых велась с СВ на ЮЗ. В связи с утратой торцевых кладок реальную ширину проёма 1 установить не представляется возможным. Основание порога было выложено в основном из округлых в плане архитектурных деталей, прямоугольные блоки образуют проём шириной 1,6 м.

Торцевые кладки проёма 2 (шириной 1,14 м, сохранился на высоту двух-трёх рядов) сложены из довольно массивных блоков хорошо отёсанного ракушечника. В основании порога также архитектурные детали вторичного использования, сверху они замощены плиткой из песчаника (рис. 4, 5/1,2).

Расстояние между вторым и третьим проёмами – около 5,3 м. Лучше, на высоту двух рядов, сохранилась кладка северо-восточного торца проёма 3, ширина – 1,11 м. Контур юго-западного торца прослежен благодаря вымостке порога известняковыми плитками.

Северо-западная (№ 3) стена продольная, шириной около 1,1–1,2 м, прослежена на длину 22,5 м. Кладка трёхслойная (внешний, внутренний фасы и забутовка из мелкого камня с глинистым раствором). Почти на всём протяжении сохранилась на высоту 0,4–0,5 м. В кладке использованы хорошо отёсанные блоки ракушечника (шириной до 0,5 м, высотой около 0,15 м), уложенные постелью и тычком, и ложком.

Северо-восточный торец проёма 4 сохранился на высоту двух рядов, он сложен из массивных блоков ракушечника. Юго-западный торец практически полностью разобран, его контур угадывается по плиткам мощения порога. В основание порога также уложены округлые в плане архитек-

турные детали. Ширина проёма около 1,15 м.

Проём 5 выявлен на расстоянии 4,9 м от проёма 4. Благодаря хорошо сохранившимся торцам чётко устанавливается ширина проёма – 1,2 м. Плоскость порога и пандус с внешней стороны вымощены плиткой из известняка (рис. 4, 5/3).

Северо-восточный торец проёма 6, сохранившийся на высоту трёх рядов кладки, выявлен на расстоянии 6,2 м от проёма 2. Юго-западный торец не сохранился.

Северо-восточная (№ 2) поперечная стена прослежена на длину около 9 м. Кладка трёхслойная (внешний, внутренний фасы и забутовка из мелкого камня с глинистым раствором). Ширина стены варьирует в пределах 1,1–1,3 м, что объясняется сползанием по склону верхних блоков внешнего фаса кладки, примыкающей к северному углу здания. Воздействие склоновой деформации в основном в юго-восточном направлении испытал и восточный угол здания. В связи с этим внешний фас стены не удалось полноценно зафиксировать. Кладка сложена из тщательно подобранных блоков, однако из-за недостаточно прочного соединения с продольными стенами произошла деформация внешнего фаса в северном направлении.

Юго-западная (№ 4) поперечная стена прослежена на длину 9 м, на всём протяжении она сохранила ширину около 1–1,15 м. Кладка трёхслойная (внешний, внутренний фасы и забутовка из мелкого камня с глинистым раствором). Внешний фас сохранился местами на высоту фундаментного ряда – до 0,8 м. Часть фундаментного ряда явно просела в грунт. Выдержать

рядность кладки не позволил строительный материал: необработанные известняковые или песчаниковые плиты и небольшие блоки ракушечника.

К юго-западу от стены 4 расчищен мощный каменный завал, образованный в результате естественного разрушения кладки. Объем строительного материала позволяет реконструировать высоту стены до полутора метров.

Повсеместно, вне и внутри сооружения, фиксируются обломки кровельной черепицы (рис. 5/2). Большая часть обломков принадлежала плоским соленам с бортиками вдоль двух продольных сторон. Общие габариты керамид (различная ширина) и, главным образом, особенности оформления боковых бортиков, что связано с иной по сравнению с эллинизмом технологией укладки, позволяют датировать их римским временем [5, с. 59–60]. Примерно половина обломков принадлежит керамидам, изготовленным из типичного для продукции античной Горгииппии римского времени глиняного теста красно-коричневого цвета, для которого характерны ноздреватая структура, крупнозернистые примеси шамота, песка и белых крупинок (извести) [6, с. 148; 1, табл. 121/3-5; табл. 166/20-22, с. 178] (рис. 6). Вторая половина – это солены из зеленовато-бежевой, схожей с синопской, глины. Перекрывавшие щели в местах соединения соленов калиптеры практически полностью отсутствуют.

Суммируя полученные данные, отметим, что размеры сооружения оказались меньшими, чем по данным магниторазведки – 9х22 м (рис. 4). Различие характера кладки и использованного материала позволяет предположить, что особое внимание было уделено обрабатанным на север северо-

восточной и северо-западной стенам здания. Именно эта часть здания обращена к проездным воротам цитадели и должна быть особенно парадной.

Кладка всех стен трёхслойная (внешний, внутренний фасы и забутовка из мелкого камня с глинистым раствором). Современная их ширина больше изначальной, поскольку доступ влаги внутрь кладки и склоновая деформация способствовали увеличению ширины кладки – на фундаментном уровне ширина стен составляет один метр. Каменные завалы возле стен позволяют реконструировать её высоту до полутора метров. Данные о том, что здание имело несколько уровней, отсутствуют. Строительный камень из кладок монументального сооружения использовался в эпоху развитого средневековья.

Таким образом, чёткие, прямоугольные контуры сооружения, кладочная техника, кровельные материалы, – всё свидетельствует о профессионализме строителей и античных архитектурных традициях.

При этом доступ в здание осуществлялся через выявленные в продольных стенах 1 и 3 расположенные попарно (1 и 4, 2 и 5, 3 и 6) дверные проёмы, шириной около 1,2 м. Это свидетельствует о своеобразной, неантичной планировке здания. С внешней стороны ко входам 1 и 5 ведут вымостки из плитняка, которые, как и завалы кровельной черепицы, фактически маркируют древнюю дневную поверхность, свидетельствуя о незначительном, около 0,2 м (на один фундаментный ряд), заглублении стен здания кладки. Остатки аналогичных вымосток прослеживаются и с внешней стороны других входов.

Рис. 5. Экстерьер здания: 1 – Вид с СЗ; 2 – развал битой черепицы у подножия здания; 3 – вид с ЮВ

Полностью зафиксировать объект на разных высотах удалось с помощью беспилотного летательного аппарата на базе модуля управления DJI с камерой GoPro3. Наличие аэро-

фотосъёмки упростило соотнесение фотографий между собой в программе Agisoft Photoskan и позволило добиться лучшего качества текстуры на всех участках объекта. Ландшафтная GPS-

Рис. 6. Черепица кровли здания

привязка была осуществлена роверной станцией (Д. О. Дрыга и А. В. Мочалов (МИИГАИК) (Рис. 2/2). Созданная в программах фотограмметрии 3D-модель стала не только конечным результатом, но и основным источником, используемым для построения виртуальной реконструкции в программах 3D-моделирования и проектирования (*ArchiCAD, SketchUp, Cinema 4D*) (выполнено В. В. Моором) (рис. 7).

Интерьер здания

Горизонт пола помещения маркируют остатки залежавших в здании продольно обгоревших дубовых плах вперемешку с обломками кровельной черепицы. Внутренние контуры здания образуют фасы стен (рис. 8).

Фас юго-восточной (№ 1) продольной стены прослежен на длину 20,7 м. Кладка сохранилась неравномерно.

Участки, прилегающие к проёму 1 и между проёмами 1 и 2, имеют высоту 0,6 м, сложены из массивных, хорошо отёсанных блоков ракушечника, чётко читается рядность. Юго-западная часть сохранила в основном фундаментный ряд, в кладке использованы необработанные плиты песчаника и известняка.

Фас северо-западной (№ 3) продольной стены прослежен на длину 20,6 м. Лучше сохранилась северо-восточная её часть, примыкающая к проёмам 4 и 5. Здесь зафиксирована максимальная для всего сооружения высота – 0,9–0,95 м. Мощный каменный завал на участке между проёмами 4 и 5 позволяет предположить, что каменная кладка стены могла достигать двухметровой высоты. По-настоящему парадной, из хорошо отёсанных блоков ракушечника, выглядела кладка между

Рис. 7. 3d-реконструкция экстерьера здания (вып. В.В. Моором)

проемом 4 и северным углом. Остальные участки сложены из довольно разнородного материала. В частности, в кладке торцевой части проёма 5 оказался использован воротный камень. Участок, прилегающий к западному углу, был сложен из песчаниковых и известняковых пород.

Внутренняя кладка северо-восточной (№ 2) поперечной стены прослежена на шестиметровую длину. Значительная часть кладки осталась под мощным слоем обожжённой обмазки. Расчищена центральная часть фаса, где кладка сохранилась на максимальную высоту около 0,8 м. Она сложена

из блоков ракушечника, которые в результате воздействия высокой температуры в значительной мере разрушились (растрескались и осыпались). Тем не менее в двух метрах от восточного угла в кладке была расчищена ниша (дымоход?), шириной около 0,7 м, на дне которой была уложена известняковая плитка. Внутренний фас юго-западной (№ 4) поперечной стены шестиметровой длины сохранился довольно фрагментарно (рис. 8/1).

О внутренней планировке здания можно судить по расположению трёх пар дверных проёмов и выделить три зоны (помещения) внутри сооруже-

Рис. 8. Внутренняя планировка здания: 1 – стена 2 с остатками окна дымохода;
2 – заполнение здания в центральной части, вид ЮЗ

ния. Прёмы 2 и 5 прорезают продольные стены ровно в средней части, посередине, между северо-восточным краем и северо-восточным торцом здания проёмов 2 и 5, расположены проёмы 1 и 4. В то время как проёмы 3 и 6 смещены к стене 4 на полтора метра.

В северо-восточной зоне наиболее значительны следы огня на внутреннем (северо-восточном) фасаде поперечной стены (№ 2). Блоки потрескавшегося и местами осыпающегося ракушечника расчищены в толстом слое перегоревшей обмазки (разрушенный обожжённый сырец). В метре от внутренней стороны кладки выявлен развал крупных плоских камней местных пород со

следами горения, предположительно, остатки очажной конструкции диаметром около 2 м. В кладке поперечной стены было устроено «окно» дымохода.

О наличии сырцовых перегородок и существовании среднего помещения свидетельствуют скопления светло-бежевой глины и крупных углистых масс в средней части сооружения. Наименее презентабельная и по размерам, и по кладке стен, – юго-западная часть.

Неясным остается вероятное использование монументального сооружения. Наличие шести входных проёмов делает маловероятным проживание в нём в холодное время года, поскольку отапливать внутреннее

пространство такого размера в зимнее время затруднительно. Вместе с тем исключительно хозяйственное использование (загон для скота, сеновал и т. п.) практически исключается, поскольку мощные оборонительные сооружения цитадели предназначались для защиты именно этого здания, расположенного в центре «акрополя». Высокий статус постройки подчеркивают мощное основание его стен и квалификация строителей, строго выдерживавших пропорции здания. Его ширина близка к 20 греческим локтям, а длина – 50 локтям (принимая длину локтя как 44,4 см). Тщательность укладки нижних рядов основания стен свидетельствует о следовании архитектора здания античным традициям зодчества и стремлении обеспечить долговечность постройки. На античные традиции указывает и попытка покрыть часть здания черепицей, явно собранной для этих целей с разных зданий. Отметим, что предполагаемое время бытования укрепления совпадает со строительством крепостей по окраинам Восточной Римской империи [12, с. 79–81].

Не исключено ритуальное назначение здания, однако при этом не найдено каких-либо признаков, однозначно свидетельствовавших о совершении обрядов. В 2017 г. в ходе исследования проездного сооружения в верхнем ярусе укреплений городища, в северной части цитадели, были обнаружены надгробные стелы раннехристианского времени, использованные, судя по их положению, для облицовки кладки вдоль прохода, позволявшего проникнуть в цитадель и выйти к монументальному зданию. По особенностям изображения на стелах (крест в круге на полукруглом навершии, ниже бор-

тик треугольной формы и П-образная рамка, возможно, символическое изображение Голгофы) надгробия близки стелам, обнаруженным в погребениях некрополя хут. Уташ [2, с. 77; 11], Тепсень [3, с. 116, рис. 14; с. 118, рис. 15], Скалистое [4, с. 22, рис. 11/4-6,9,13], Козьи Скалы [7, с. 33–34, с. 163, рис. 5, 1-2], Херсонесе [17, с. 64–74] и др. Поскольку от пожара, в котором погибло проездное сооружение, как и вся система фортификации городища, в большинстве случаев пострадали именно лицевые стороны надгробных стел, можно предположить их использование в декоративных целях. Подобное обращение с христианскими надгробиями свидетельствует, что население, политическим центром и убежищем для которого должно было служить Верхнегостагаевское городище, по всей видимости, не исповедовало христианство.

Одним из вероятных вариантов назначения здания могло быть использование его в качестве своего рода пиршественного зала. Такие помещения хорошо известны по более поздним скандинавским примерам, однако практика сооружения в домах вождей так называемых «бражных залов» восходит по меньшей мере к середине I тыс. н.э. Жилые постройки типа «длинный дом», важной особенностью которых являлись расположение на возвышенности и трёхнефное устройство, известны с конца I тыс. до н.э. до III–V вв. н.э. в Эзинге (Нидерланды) и Федерзен Вирде (Германия) [10, с. 332; 20, с. 87]. Эти здания фахверковой конструкции имели два проёма напротив друг друга с длинных сторон дома и размеры: длина 10–30 м, ширина 4,5–7,5 м [23, s. 215–228 abb. 2-3]. Атрибу-

ция этих поселений как германских спорна, однако подобные постройки впоследствии широко встречаются у различных германских племен, сохраняя пропорции, характерные для «длинных домов», – существенное преобладание длины над шириной. При этом известны не только фахверково-столбчатые конструкции, но и дома с каменными стенами либо фундаментами стен (гранит, известняк). Такие сооружения на о. Готланд (поселение Валльхагар) и борги о. Эланд датируются V – первой половиной VI в. [28, р. 454–463, fig. 193; р. 545, fig. 228; 20, с. 89; 19, с. 73]. Средняя часть домов была жилой, крайние помещения использовались как хранилища, хозяйственные помещения и стойла для скота [16, с. 97–101]. Усадьбы или резиденции вождей имели сходное устройство, с той особенностью, что средняя часть дома использовалась в качестве пиршественного зала.

Играя важную роль в организации социальной жизни германской элиты, пиршественные залы упоминаются в древнегерманском и скандинавском эпосе. Так, в «Беовульфе» Олений Зал – Хеорот описан как помещение во дворце, стоящем на холме (Беовульф, 285), обширный зал (там же, 410), видимо, с деревянными стенами (которые под силу разрушить лишь «дымному пламени»), скреплёнными железными скобами (там же, 770–785), эти стены сильно пострадали в ходе поединка героя с чудовищем Гренделем (там же, 995–1000). Размеры Хеорота были велики – там одновременно могли пировать десятки человек, кроме того, туда же в качестве подарка победителю Гренделя ввели восемь боевых коней (там же, 1035–1040). Аналогичные

залы выявлены при изучении королевских дворцовых построек в Гаммель-Лейре близ Роскилле [22, р. 251–252]. Стоящие на холме здания, древнейшие из которых датируются исследовавшим их Т. Кристенсеном VI в., имели размеры до 45х7 м [26, р. 40–44; 21, р. 109–126; 22, р. 249–250].

Хорошо изучена «королевская усадьба» *Kunggard* в Уппсале с пиршественным залом, относящаяся, как и синхронные ей курганные погребения, к VI в. [29, р. 349–353; 8, с. 150]. Каменные стены имел пиршественный зал эпохи викингов X–XII вв. близ пос. Уэстнесс на о. Раузи (Оркнейские о-ва), размеры зала 13х5,5 м. Обращает на себя внимание, что ряд элитарных зданий каркасно-столбчатой конструкции второй половины I тыс. до н.э. имел выгнутые наружу стены («дом-ладья»), дома же на каменных фундаментах и с каменными стенами обычно имеют прямоугольную в плане форму [28, р. 545, fig. 228].

Следует отметить, что строительные приёмы, использованные при возведении здания Верхнегостагаевского городища, принципиально расходятся с традициями, в которых возведены каменные фундаменты построек середины I тыс. н.э. на севере Европы. Говоря о фортификационной деятельности германцев в Средиземноморском регионе, Прокопий Кесарийский нередко упоминает об использовании готами римских укреплений, однако из самостоятельно построенных ими сооружений Прокопий описывает земляные валы, либо готы предпочитали состязаться с римлянами скорее в воинской доблести в открытом бою, чем в технических хитростях [13, *De bello Gothico*: II.19; III.8].

Монументальное сооружение цитадели Верхнегостагаевского городища по ряду признаков сходно с «длинными домами» середины I тыс. н.э. как по пропорциям, так и по наличию трёх пар входов с длинной стороны здания, что позволяет предположить деление внутреннего пространства на три части. Размеры, основательность постройки говорят о её элитарном предназначении, вероятно, использовании в качестве резиденции правителя германского племени. В таком случае

Верхнегостагаевское городище представляло собой важный военно-политический и религиозный центр германцев эпохи Великого переселения. Вместе с тем использование античных строительных приёмов, возможно, свидетельствует о синтезе, с одной стороны, германских традиций в функциональном использовании и облике здания, и, с другой стороны, античных строительных технологий.

Статья поступила в редакцию 16.09.2019

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева Е. М. Античный город Горгиппия. М.: Эдиториал УРСС, 1997. 560 с.
2. Башкиров А. С. Археологическое обследование Таманского полуострова летом 1927 г. // Труды секции археологии. Вып. III. М.: РАНИОН, 1928. С. 71–86.
3. Бабенчиков В. П. Итоги исследования средневекового поселения на холме Тепсень // История и археология средневекового Крыма. Киев: АН УССР, 1958. С. 88–146.
4. Веймарн Е. В., Айбабин А. И. Скалистинский могильник. Киев: Наукова думка, 1993. 203 с.
5. Зеест И. Б. Боспор. Керамическое производство и античные керамические строительные материалы (Археология СССР. Свод археологических источников. Вып. Г1–20). М.: Наука, 1966. 158 с.
6. Кругликова И. Т. Боспор в позднеантичное время: очерки экономической истории. М.: Наука, 1966. 224 с.
7. Кузнецов В. А. Христианство на Северном Кавказе до XV в. Владикавказ: Ир, 2002. 159 с.
8. Лебедев Г. М. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб.: Евразия, 2005. 640 с.
9. Малышев А. А., Дрыга Д. О., Клемешов А. С., Смекалова Т. Н. К истории азиатского Боспора в ранневизантийское время: по материалам комплексных исследований Верхнегостагаевского городища // Археология, этнография и антропология Евразии. 2017. Т. 45. № 4. С. 35–45.
10. Монгайт А. Л. Археология Западной Европы. Т. 2: Бронзовый и железный века. М.: Наука, 1974. 408 с.
11. Новичихин А. М. О древнем христианском храме в окрестностях Анапы (к интерпретации надписи из Хан-Чокрака) // Историко-археологический альманах. Вып. 8. Армавир-М., 2002. С. 133–135.
12. Пиоро И. С. Крымская Готия. Очерки этнической истории населения Крыма в позднеримский период и раннее средневековье. Киев: Лыбидь, 1990. 200 с.
13. Прокопий Кесарийский. Война с готами / Пер. С. П. Кондратьева. М.: АН СССР, 1950. 516 с.
14. Сазанов А. В. Четырехапсидный храм Херсонеса и «Жития свв. епископов Херсонесских»: хронология и интерпретация // Жития епископов Херсонесских в контексте истории Херсонеса Таврического. Харьков: Антиквар, 2012. С. 203–312.
15. Сазанов А. В. Азиатский Боспор в позднеримское время // ISEUM: Сб. статей, посвященных истории, религии и культуре Древнего мира. М.: Гос. публичная истор. б-ка, 2012. С. 120–181.

16. Сванидзе А. А. Викинги – люди саги: жизнь и нравы. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 800 с.
17. Созник В. В., Туровский Е. Я., Иванов А. В. Новый христианский памятник из некрополя Херсонеса у Карантинной бухты // Археология. 1997. Вып. 1. С. 64–74.
18. Сорокина Н. П. О стеклянных сосудах с каплями синего стекла из Причерноморья // Советская археология. 1971. № 4. С. 85–102.
19. Тодд М. Варвары. Древние германцы: быт, религия, культура. М.: Центрполиграф, 2005. 223 с.
20. Хлевов А. А. Предвестники викингов. Северная Европа в I–VIII веках. СПб.: Евразия, 2002. 336 с.
21. Christensen T. A new round of excavations at Lejre (to 2005) // Niles J. D., Osborn M., eds. *Beowulf and Lejre (Medieval and Renaissance Texts and Studies. Vol. 323)*. Arizona State University, 2007. P. 109–126.
22. Christensen T. Lejre beyond the legend – the archaeological evidence // *Settlement and Coastal Research in the Southern North Sea Region. Vol. 33*. 2010. P. 237–254.
23. Haarnagel W. Die Ergebnisse der Grabung auf der Wurt Feddersen Wierde bei Bremerhaven in den Jahren von 1955–1957 // *Neue Ausgrabungen in Deutschland*. Berlin, 1958. S. 215–228.
24. Hayes J. W. Roman pottery: fine-ware imports // *The Athenian Agora. Vol. 32*. Princeton (N. Y.): The American School of Classical Studies at Athens, 2008. 343 p.
25. Isings C. Roman Glass from Dated Finds. Groningen/Djakarta: Wolters, 1957. 185 p.
26. Niles J. D. Beowulf's Great Hall // *History Today*. 2006. № 56 (10). P. 40–44.
27. Sazanov A. Les amphores orientales d'époque protobyzantine au nord de la mer Noire: chronologie et typologie // *Late Roman coarse Wares, Cooking Wares and Amphorae in the Mediterranean. Archaeology and archaeometry. Vol. 2*, Oxford, 2007. P. 803–815.
28. Stenberger M. *Det forntida Sverige*. Stockholm, 1964. 870 s.
29. Stenberger M. *Vorgeschichte Schwedens*. Berlin, 1977. 543 s.

REFERENCES

1. Alekseeva E. *Antichnyi gorod Gorgippiya* [The ancient city of Gorgippia]. Moscow, Editorial URSS Publ., 1997. 560 p.
2. Bashkirov A. [Archaeological survey of the Taman Peninsula in the summer of 1927]. In: *Trudy seksii arkheologii* [Proceedings of the archeology section], no. III. Moscow, RANION Publ., 1928, pp. 26–40.
3. Babenchikov V. [The results of the study of medieval settlement on the hill Tepsen]. In: *Istoriya i arkheologiya srednevekovogo Kryma* [History and archaeology of the medieval Crimea]. Kiev, AN USSR Publ., 1958, pp. 110–116.
4. Veimarn E., Aibabin A. *Skalistinskii mogil'nik* [Kalitinsky burial ground]. Kiev, Naukova dumka Publ., 1993. 203 p.
5. Zeest I. *Bospor. Keramicheskoe proizvodstvo i antichnye keramicheskie stroitel'nye materialy (Arkheologiya SSSR. Svod arkheologicheskikh istochnikov. G1–20)* [Bospor. Pottery and ancient ceramic building materials (archaeology of the USSR. A set of archaeological sources. G1–20)]. Moscow, Nauka Publ., 1966. 158 p.
6. Kruglikova I. *Bospor v pozdneantichnoe vremya: ocherki ekonomicheskoi istorii* [The Bosporan Kingdom in late antiquity time: essays on the economic history]. Moscow, Nauka Publ., 1966. 224 p.
7. Kuznetsov V. *Khristianstvo na Severnom Kavkaze do XV v.* [Christianity in the North Caucasus to the XV c.]. Vladikavkaz, Ir Publ., 2002. 159 p.

8. Lebedev G. *Epokha vikingov v Severnoi Evrope i na Rusi* [The Viking age in Northern Europe and Russia]. St-Petersburg, Evraziya Publ., 2005. 640 p.
9. Malyshev A., Dryga D., Klemeshov A., Smekalova T. [The history of the Asian Bosphorus in early Byzantine time: the materials of complex research of Verhnerosteenskoe settlement]. In: *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia], 2017, vol. 45, no. 4, pp. 35–45.
10. Mongait A. *Arkheologiya Zapadnoi Evropy. T. 2: Bronzovy i zheleznyi veka* [Archaeology of Western Europe. Vol. 2: the Bronze and iron ages]. Moscow, Nauka Publ., 1974. 408 p.
11. Novichikhin A. [About the ancient Christian Church in the vicinity of Anapa (for interpretation of the inscription from Khan-Chokrak)]. In: *Istoriko-arkheologicheskii al'manakh* [Historical and archaeological almanac], 2002, no. 8, pp. 133–135.
12. Pioro I. *Krymskaya Gotiya. Ocherki etnicheskoi istorii naseleniya Kryma v pozdnerimskii period i rannee srednevekov'e* [Crimean Gothia. Essays on the ethnic history of the population of Crimea in the late Roman period and early middle ages]. Kiev, Lybid' Publ., 1990. 200 p.
13. *Prokopii Kesariiskii. Voina s gotami*. Per. S. Kondrat'eva [Procopius Of Caesarea. The war with the Goths. Trans. S. Kondratieva]. Moscow, AN SSSR Publ., 1950. 516 p.
14. Sazanov A. [Tetra-conch type temple of Chersonese and "lives of the saints. bishops of Chersonesos": chronology and interpretation]. In: *Zhitiya episkopov Khersonesskikh v kontekste istorii Khersonesa Tavricheskogo* [The lives of the bishops of Chersonesos in the context of the history of Tauric Chersonesos]. Kharkiv, Antikva Publ., 2012, pp. 203–312.
15. Sazanov A. *Aziatskii Bospor v pozdnerimskoe vremya* [The Asiatic Bosphorus in the late Roman time]. In: *ISEUM: Sb. statei, posvyashchennykh istorii, religii i kul'ture Drevnego mira* [ISEUM: Digest of articles on history, religion and culture of the Ancient world]. Moscow, Gos. publ'chnaya istor b-ka Publ., 2012, pp. 120–181.
16. Svanidze A. *Vikingi – lyudi sagi: zhizn' i nrayi* [The Vikings – the people of Saga: the life and mores]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2014. 800 p.
17. Soznik V., Turovskii E., Ivanov A. [New Christian monument from the necropolis of Chersonesos near Quarantine Bay]. In: *Arkheologiya* [Archeology], 1997, no. 1, pp. 64–74.
18. Sorokina N. [On glass vessels with drops of blue glass from the black sea region]. In: *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet archeology], 1971, no. 4, pp. 85–102.
19. Todd M. *Varvary. Drevnie germantsy: byt, religiya, kul'tura* [Barbarians. The ancient Germans: life, religion, culture]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2005. 223 p.
20. Khlevov A. *Predvestniki vikingov. Severnaya Evropa v I–VIII vekakh* [The precursors of the Vikings. Northern Europe in the I–VIII centuries]. St-Petersburg, Evraziya Publ., 2002. 336 p.
21. Christensen T. A new round of excavations at Lejre (to 2005). In: Niles J. D., Osborn M., eds. *Beowulf and Lejre (Medieval and Renaissance Texts and Studies. Vol. 323)*. Arizona State University, 2007, pp. 109–126.
22. Christensen T. Lejre beyond the legend – the archaeological evidence. In: *Settlement and Coastal Research in the Southern North Sea Region*, 2010, vol. 33, pp. 237–254.
23. Haarnagel W. [The results of the excavation on the Wurt Feddersen Wierde near Bremerhaven in the years 1955–1957]. In: *Neue Ausgrabungen in Deutschland* [New excavation gene in Germany]. Berlin, 1958, pp. 215–228.
24. Hayes J. W. *Roman pottery: fine-ware imports (The Athenian Agora. Vol. 32)*. Princeton (N. Y.): The American School of Classical Studies at Athens, 2008. 343 p.
25. Isings C. *Roman Glass from Dated Finds*. Groningen/Djakarta: Wolters, 1957. 185 p.
26. Niles J. D. Beowulf's Great Hall. In: *History Today*, 2006, № 56 (10), pp. 40–44.
27. Sazanov A. [Protobyzantine amphorae in the north of the Black Sea: chronology and typol-

- ogy]. In: Late Roman coarse Wares, Cooking Wares and Amphorae in the Mediterranean. Archaeology and archaeometry. Vol. 2, Oxford, 2007, pp. 803–815.
28. Stenberger M. *Det forntida Sverige* [Ancient Sweden]. Stockholm, 1964. 870 s.
29. Stenberger M. *Vorgeschichte Schwedens* [Prehistory of Sweden]. Berlin, 1977. 543 s.

БЛАГОДАРНОСТИ

Работа выполнена в рамках гранта РФФИ, проект № 18-09-40121 «Юго-восточная периферия Азиатского Боспора в ранневизантийское время: экология, система расселения и хозяйствования, этнополитическая ситуация».

ACKNOWLEDGMENT

This work was supported by the grant from Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project number 18-09-40121 “Southeastern periphery of the Asian Bosphorus in the Early Byzantine era: ecology, settlement system and economic management, ethno-political situation”.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Клемешов Алексей Станиславович – кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии, истории древнего мира и средних веков МГОУ;
e-mail: klemeshovas@mail.ru

Малышев Алексей Александрович – кандидат исторических наук, заведующий отделом скифо-сарматской археологии Института археологии РАН;
e-mail: maa64@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alexey S. Klemeshov – Cand. Sci. (History), Associate Professor, Department of Archaeology and History of the Ancient World and the Middle Ages, Moscow Regional State University;
e-mail: klemeshovas@mail.ru

Alexey A. Malyshev – Cand. Sci. (History), Head of the Department of Scythian-Sarmatian archaeology of the Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences;
e-mail: maa64@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Клемешов А. С., Малышев А. А. Монументальное сооружение цитадели Верхнегостаевского городища: проблемы интерпретации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 5. Циркумпонтика. С. 209–225.

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-5-209-225

FOR CITATION

Klemeshov A., Malyshev A. Monumental structure of the citadel of Verkhnegostagaevskoye settlement: interpretation difficulties. In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2019, no. 5, Circumpontica, pp. 209–225.

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-5-209-225